

Ван Чжи закончил читать указ - все стояли как громом пораженные, не в силах вымолвить ни слова.

Чэнь Луань отреагировал быстрее других и, развернувшись, рванул в здание окружного правительства.

Однако он, кажется, забыл, что Императорская Стража не была бы Императорской Стражей, если бы дала ему сбежать.

И правда, не успел Чэнь Луань сделать и пары шагов, как его швырнули наземь, а затем подняли и накрепко скрутили, приведя в абсолютно беспомощное состояние.

Ван Чжи скользнул взглядом по Ма Синфу и остальным, а затем лениво бросил:

— В таком случае, господин Тан, поторопитесь и разберитесь с этим мусором. Я здесь по приказу Его Величества, так что мое время на вес золота. Терпеть не могу ждать!

Сказано это было Тан Фаню, однако Ма Синфу чуть не умер от злости.

Что еще за “мусор”?! Слова эти были явно и про него тоже!

Но что Ма Синфу мог поделывать? Хоть командующий Ван и был молод, статус имел куда более высокий. Даже несмотря на то, что Западная Ограда исчезла как дым, он по-прежнему оставался приближенным Сына Неба, и слова его были в разы весомее, чем слова какого-то евнуха из Сучжоу.

— Где цянху Сюэ? - спросил Тан Фань.

— Здесь! - гаркнул тот.

— Арестуй Чэнь Луаня, Ян Цзи и их сообщников, дабы привлечь их к ответственности. Ма Синфу, уполномоченный по защите Сучжоу, вступил в сговор с Чэнь Луанем с намерением присвоить выручку от продажи зерна, выделенного для помощи пострадавшим после стихийного бедствия, а Цэн Пэй с У Цзунам покрывали их злодеяния. Вместо того, чтобы выполнять свой долг и защищать императорского посланника, они передавали Чэнь Луаню информацию и помогали в преступлениях против Двора. Арестуй и их тоже!

— Есть!

Ма Синфу изменился в лице и с напускной бравадой в голосе закричал:

— Как ты смеешь арестовывать меня?! Господин Тан, не забывайся и не злоупотребляй властью! Хочешь арестовать Чэнь Луаня? Так арестовывай! Я тут при чем?! У меня тоже есть верховный указ! Я лишь беспокоился, что ты несправедливо обвиняешь хорошего чиновника, потому и вмешался! Не надо веслом махать куда попало - и себя забрызжешь!

— Командующий Ма, - улыбнулся Тан Фань, - прежде ты с таким рвением заступался за Чэнь Луаня, так почему теперь отрекаешься от него? Виноват, не виноват - выясним на допросе. Я не стану причинять вреда хорошему человеку. Если ты хороший человек, конечно, - сказав так,

он спрятал улыбку и крикнул: - Арестовать!

Люди Ма Синфу переглянулись, не зная, следует ли им защищать его. Несколько самых верных обнажили клинки, собираясь противостоять Императорской Страже. Ван Чжи махнул рукой, и его подчиненные тотчас вынули из ножен сабли. Силы были неравными и люди Ма Синфу, беспомощные и бессильные, оказались окружены.

— Все еще надеешься на поддержку своего командующего Шана? - усмехнулся Ван Чжи. - По правде говоря, Шан Мина разжаловали и отправили из столицы сторожить гробницу Мин Сяолин. Сучжоу как раз недалеко от Нанкина. Может, и встретитесь!

Новость эта была способна разрушить горы и сотрясти небеса. Услышав ее, Ма Синфу застыл, словно громом пораженный:

— Ты... Ты несешь чушь!

— Старик Ван здесь не для того, чтобы упражняться с тобой в остроумии! - холодно фыркнул Ван Чжи. - Сам его спроси при встрече. Цяньху Сюэ, ты арестуешь их наконец или нет?

Евнух Ван только прибыл, но цяньху Сюэ уже успел оценить, насколько властной личностью тот был. Услышав это, он не мешкая велел своим людям арестовать подозреваемых.

Кажется, слова Ван Чжи шокировали Ма Синфу настолько, что, когда за его спиной выросли два служащих Императорской Стражи, он никак на них не отреагировал.

Видя покорность своего господина, его подчиненные тоже были вынуждены сложить оружие и смириться со своей судьбой.

Раз уж даже Ма Синфу прекратил сопротивление, остальным и подавно пришлось сдаться и с кислыми минами позволить Императорской Страже схватить себя.

Бледный как полотно, Ян Цзи заискивающе улыбнулся Тан Фаню:

— Господин Тан! Господин Тан! Я должен кое-что сказать. Меня заставили! Я не причастен к делам Чэнь Луаня! Кроме того, я могу предоставить вам полезные сведения, которые помогут загнать этого подлеца в угол! Видите ли... Вы можете меня отпустить?

— Ты-то ни к чему не причастен? - холодно фыркнул Чэнь Луань, услышав это. - Шутишь что ли? Ты знал о пострадавших за стенами города, но молчал! А теперь хорошего человека из себя корчишь? А что насчет тех серебряных таэлей, что я дал тебе? Во время обыска их обязательно обнаружат!

— Это все ты! - сердился Ян Цзи. - Если бы ты не затащил меня в воду, я бы до такого не опустил! Я с самого начала говорил не заходить слишком далеко, и вот как все обернулось!

Эти двое, кажется, собирались затеять свару. Не желая смотреть, как они собачатся, Тан Фань махнул рукой:

— Увести!

Проходя мимо Сяо У, Чэнь Луань кинул на нее мрачный, полный негодования взгляд.

С чего бы Сяо У было бояться его в присутствии Тан Фаня? В ответ она лишь очаровательно улыбнулась.

Чэнь Луань тотчас вспылел и, не выдержав, выругался:

— Дешевка!

— Но ты спал с этой дешевкой, - прыснула Сяо У. - Тогда кто ты? Убогий урод?

Стоявшие подле люди расхохотались.

Чэнь Луань аж позеленел от злости.

Поскольку Сяо У больше не нужно было притворяться перед Тан Фанем, с каждым днем она становилась все храбрее и храбрее.

Когда Чэнь Луаня увели, Тан Фань задал мучивший его вопрос:

— Ты сказала, что он прелюбодействовал с женами и наложницами отца и брата. Это правда?

— Конечно, нет, - не задумываясь, ответила Сяо У. - Иначе почему, думаешь, он так разбушевался? - видя, что Тан Фань аж дара речи лишился, она пояснила: - Однако Чэнь Луань совершил немало злодеяний и многократно принуждал женщин становиться его наложницами. Если господин хочет, он может сам это проверить и убедиться.

— Я понял, - кивнул Тан Фань.

Последствия нарушения закона Чэнь Луанем, Ян Цзи и их сообщниками еще не были устранены.

Разобравшись с самым главным препятствием в их лице, Тан Фань велел жечь за городскими стенами полынь, установить пункты с выдачей каши, отправить врачей лечить беженцев и отобрал у сговорившихся с Чэнь Луанем торговцев зерно, дабы отдать пострадавшим.

Чэнь Луань заморил большую часть беженцев за городом, в живых осталось совсем немного. Получив надлежащий уход, они постепенно поправились и покинули Уцзян, чтобы вернуться в родные деревни и возобновить возделывание полей. Тан Фань подготовил прошение об освобождении Уцзяна от налогов на два года. Он был не в силах полностью избавить потерпевших от нищеты и позволить жить счастливой жизнью, так что это было самое большее, что ему позволяли сделать его полномочия.

После ареста Чэнь Луаня должность магистрата округа Уцзян должен был занять его заместитель, однако Чэнь Луань не просто так стал местным "царьком": его подчиненные активно ему помогали и поддерживали. Узнав об этом, Тан Фань отправил в отставку около

восьми десятых чиновников Уцзяна.

Вакантных мест в правительстве Уцзяна стало много, но в том не было большой беды: население Великой Мин было огромным, каждый год число тех, кто сдал экзамены и получил право стать чиновником, однако не мог найти себе должность, лишь росло. Бессчетное множество кандидатов жадно взирали на Уцзян, поскольку округом он был прибыльным, а раз всяких “Чэнь Луаней” больше не было, многие желали занять его место.

В деле этом Ху Вэньцао сыграл не самую хорошую роль, однако настолько дерзких злодеяний, как Чэнь Луань, не совершил.

По правде сказать, на то, чтобы сотворить нечто ужасное, ему не хватило смелости. Самым худшим его преступлением было бездействие. После произошедшего он должен был усвоить урок и в будущем вести себя более предусмотрительно.

Поскольку Ху Вэньцао вовремя опомнился, отринул тьму и обратился ко свету, Тан Фань в своем докладе замолвил за него словечко и попросил помиловать. В итоге Ху Вэньцао не потерял голову и не отправился в ссылку, а лишь лишился должности и получил приказ отправиться в отставку в статусе чиновника, что уже было большой удачей, учитывая масштабы несчастья.

Конечно, столь одержимый своим статусом чиновника, Ху Вэньцао определенно не считал это “большой удачей”. А узнав о том, что больше никогда не сможет стать чиновником, вероятно, горько разрыдался.

Однако у Тан Фаня не было времени заботиться о чувствах Ху Вэньцао. Расправившись с Чэнь Луанем, он был постоянно занят заботой о беженцах. Даже с Ван Чжи подолгу болтать не мог. Только когда тот собрался в столицу, Тан Фань отложил дела в сторону и сел с ним пообедать.

— Спасибо тебе. В последнее время я был так занят, совсем закрутился и не успел как следует поблагодарить тебя. За тебя! – налив им обоим вина, Тан Фань поднялся с чашкой в руках и, слегка запрокинув голову, залпом осушил ее.

— Ты должен благодарить меня лишь за то, что я прибыл вовремя. Все остальное ты сделал сам, я тут ни при чем, – не церемонясь, Ван Чжи выпил вино и жестом велел Тан Фаню снова наполнить чашу.

Таким, как он, всегда всего было мало. К счастью, Тан Фань давно привык к его характеру. Улыбнувшись, он взял кувшин и вновь налил им обоим.

На самом деле, в этом деле Тан Фань сделал совершенно неожиданный ход.

Все знали, что дядя Чэнь Луаня был членом фракции Ваней, а потому многие считали, что, противостоя Чэнь Луаню, Тан Фань выступает против фракции Ваней.

Именно поэтому поначалу никто не возлагал на Тан Фаня надежд, думая, что он не сможет одолеть Чэнь Луаня.

Однако Тан Фань был другого мнения.

Как бы огромна ни была власть Чэнь Луаня, она ограничивалась лишь округом Уцзян. Он не принимал участия в играх высших эшелонов власти и важной фигурой не являлся.

То, что его дядя был членом фракции Ваней, не означало, что он сам тоже был ее частью. Откровенно говоря, для того чтобы принимать участие в основном действе, Чэнь Луань должностью не вышел.

Так что, дабы одолеть Чэнь Луаня, для начала необходимо было расправиться с его дядей.

Должность министра финансов Нанкина была завидной, каждый мечтал заполучить ее. Да и недовольство Чэнь Чжи было велико, чем Тан Фань и воспользовался: благодаря своим связям с Чжан Ином (бывший глава Министерства Наказаний, который покровительствовал ТФ и был отправлен в Нанкин) и Хуай Энем, он смог добиться того, чтобы против Чэнь Чжи выдвинули обвинения. Попав в переделку, Чэнь Чжи о себе был не в силах позаботиться, не то что о племяннике.

У каждого чиновника есть слабости и рычаги давления. Все зависит от того, захотят их политические оппоненты воспользоваться ими или нет. У Тан Фаня они тоже имелись. Если бы кто-то смог разузнать, что он когда-то писал любовные романы, поднялся бы шум. Что уж о других чиновниках говорить.

Стена рухнула, не выдержав давления. Как только друзья Тан Фаня выдвинули обвинения против Чэнь Чжи, многие воспользовались тем, что Чэнь Чжи был на руку нечист и активно занимался взяточничеством, и поспешили нанести ему удар. Лю Цзи, желавший посадить на должность министра финансов Нанкина своего человека, тоже добавил масла в огонь.

Враги объединились, и падение Чэнь Чжи стало неизбежным. Даже фракция Ваней оказалась не способна его защитить.

После того как Чэнь Чжи ушел в отставку, справиться с Чэнь Луанем стало намного проще.

Однако у Чэнь Луаня было еще одно мощное оружие: хорошие связи с торговой палатой Сучжоу, через которую он каждый год посылал Восточной Ограде множество даров. Они были еще одной причиной, почему он позволял себе действовать столь бесстрашно. Цэн Пэй с У Цзуном проделали весь этот путь на юг вслед за Тан Фанем не только для того, чтобы защищать и контролировать его, но и для того, чтобы в критической ситуации поддержать Чэнь Луаня.

Командующий Шан Мин не желал лишаться столь плодоносного денежного дерева, так что постарался помочь Чэнь Луаню.

Разобравшись в этих хитросплетениях, Тан Фань не стал бросать вызов на смертный бой всей фракции Ваней, а сосредоточился лишь на Восточной Ограде, взвалив на них вину за все преступления Чэнь Луаня.

В письме, что он отправил через Лу Линси, он ни словом не упомянул остальных покровителей Чэнь Луаня, кроме Восточной Ограды, доложив, что серебряные таэли, переданные им

императору, не составляли и двух десятых того, что Восточная Ограда и Чэнь Луань присвоили. Он написал, что, пока Его Величество совершенствуется в столице, дабы обрести бессмертие, экономя и сберегая каждую монетку, поскольку внутренняя казна пуста, злодеи Шан Мин, Ма Синфу и Чэнь Луань, воспользовавшись тем, что император далеко, в открытую прикарманили огромные богатства. Наплевав на Его Величество, они утаили деньги и вели разгульный образ жизни, жалуясь Его Величеству на бедность. И если Его Величество может простить подобное, то его верные подданные не желают мириться с несправедливостью!

Император пренебрегал государственными делами, но это не значило, что интеллект его был настолько низким, чтобы быть легко обманутым. Только взойдя на трон, он был деятельным правителем, старался выполнять свои обязанности и бороться с несправедливостью. Хоть с годами он и скатился, лев всегда остается львом. Да, он оставался слеп и глух к происходящему во внешнем мире, однако, когда тот нарушал его покой, по-прежнему был способен поднять лапу и нанести удар.

Слова Тан Фаня, конечно же, тронули сердце императора и задели его за живое.

Император был в состоянии смириться с бездействием и бездельем окружающих, но стерпеть того, что кто-то думал, что может его обмануть и унижить, никак не мог.

Огромную роль сыграло и то, что Тан Фань нацелился лишь на Восточную Ограду и растерзал одного лишь Шан Мина и никого другого.

Благодаря этому негативная реакция фракции Ваней оказалась не слишком велика, а император смог без зазрений совести расправиться с Шан Мином. Если бы Тан Фань сейчас утащил на дно всю фракцию Ваней, император, наслушавшись советов благородной наложницы Вань, ради нее замял бы это дело.

Вот так Ван Чжи и оказался здесь.

Конечно, в одиночку Тан Фань не смог бы повернуть подобное.

Он был лишь цензором в далеком Сучжоу. Для этого пришлось задействовать силы многих.

Например, за падением Шан Мина стояли Хуай Энь, Ван Чжи и чиновники, ненавидящие Восточную Ограду. Большую роль сыграла и борьба за власть в Кабинете Министров. Тан Фань приметил все эти связи и сумел верно ими воспользоваться.

После того как Шан Мин был изгнан из столицы, пост главы Восточной Ограды занял Чэнь Чжунь.

Чэнь Чжунь был сторонником Хуай Эня. Фракция Ваней только теперь спохватилась и поняла, что власть над Восточной Оградой больше не в их руках.

Но было уже поздно. Все произошло в мгновение ока, шанс изменить ситуацию был упущен. Не успел воспользоваться им – смотри, как это делают другие.

Пострадавшим от стихийного бедствия появление Тан Фаня дало надежду на выживание.

Для прочих же самым главным стало то, что беда постигла не только Чэнь Луаня и Ян Цзи, но и фракцию Ваней, лишившуюся Шан Мина и Восточной Ограды. Их власть значительно ослабла. Больше они не смогут использовать своего приспешника, Восточную Ограду, в качестве государственного ресурса для решения личных проблем и инструмента для отмщения за личные обиды.

Так, не только Тан Фань разобрался с делом Сучжоу, но и фракция наследного принца одержала большую победу – двух зайцев одним ударом.

— После произошедшего наследный принц будет тебе благодарен. Хоть он и не сказал ничего, в будущем, если... Тебе определенно светит важная должность, – намекнул Ван Чжи. Оба прекрасно знали, что он хотел сказать, но не стал произносить вслух.

— Изначально я не планировал уничтожить Восточную Ограду, – покачал головой Тан Фань. – Лишь дело Сучжоу хотел решить. Результат, что мы имеем, – просто счастливое совпадение. Шан Мин уже давно совершал злодеяния, и Небеса больше не могли их терпеть, вот почему все так получилось.

— Ладно, не прибедняйся, – закатил глаза Ван Чжи. – Чрезмерная скромность – признак лицемерия. Наследному принцу уже тринадцать. По идее он должен был войти в Кабинет Министров, чтобы наблюдать за тем, как ведутся государственные дела, однако Его Величество все глубже погружается в Дао и все больше охладевает к принцу, а потому фракция Ваней неоднократно препятствовала входу наследного принца в Кабинет. Вопрос этот отложили на неопределенное время. Теперь, когда Восточная Ограда пала, думаю, наглости у них поубавится.

Тан Фань был далеко от столицы и не входил в высший круг власти, а потому не был осведомлен о подобных перипетиях. Если бы Ван Чжи не сказал, он бы даже не узнал, что фракция Ваней не пускает наследного принца в Кабинет.

— Я считаю, со стороны фракции Ваней очень глупо усложнять жизнь наследному принцу, – покачал головой Тан Фань. – Со времен основания династии Мин, любой, кто хотел занять трон и не являлся старшим сыном, был обречен на провал, даже если ему благоволил Сын Неба. Возьмем, к примеру, великого Сына Неба Юнлэ. Он любил принца Ханя намного больше, чем наследного, но разве не наследный принц в конце концов взшел на престол? Нынешний значительно уступает Сыну Неба Юнлэ по твердости духа и ума. Разве может ему быть под силу свершить то, что оказалось не под силу Сыну Неба Юнлэ?

Эти слова демонстрировали, что с Ван Чжи Тан Фань вел себя предельно искренне.

И Ван Чжи был действительно несколько тронут. Прежде он никогда не задумывался о подобном. Хорошенько поразмыслив, он решил, что предположение Тан Фаня весьма разумно.

— Но даже если и так, то что толку? Разве фракция Ваней отступит так просто? Трон с давних времен всех манит. У фракции Ваней не хватит смелости поднять бунт, но они одержимы идеей иметь власть над императором, и в этом нет ничего странного. Хорошо, что ты сейчас далеко от столицы: тебя бы обязательно вовлекли и использовали, как в прошлый раз в Восточном дворце. Как только ситуация улучшится, я помогу тебе с ходатайством о возвращении в столицу, – сказав так, он подхватил палочками засахаренный корень лотоса с османтусом,

положил в рот и тотчас нахмурился: – Что за липкая хреновина?

— С одного взгляда видно, что это сладость, – Тан Фань чуть дара речи не лишился. – Зачем ты его взял, если знал, что тебе не понравится?

— Ты меня заболтал, – слабо усмехнулся Ван Чжи. – Только слабаки и прилипалы любят есть подобные липкие сладости!

Тан Фань был сражен наповал. Уголок его губ слегка подрагивал.

К счастью, он давно привык к насмешкам командующего Вана. В следующий момент он с совершенно невозмутимым видом потянулся за кусочком засахаренного корня лотоса с османтусом, откусил и улыбнулся, прищурился от наслаждения:

— Вкусотища. Клейкий рис в меру мягкий, и аромат османтуса насыщенный. К слову, так странно: почему Его Величество без всякой причины повысил меня? Это ведь не потому, что я передал Ему ту коробку с золотом и серебром, верно? – задал так долго мучивший его вопрос Тан Фань.

— Ага, конечно! Если бы серебро было способно даровать тебе третий ранг, императорская казна пустой бы не стояла!

— Командующий Ван, прошу, просвети меня, – с улыбкой попросил Тан Фань.

Ван Чжи злорадно расхохотался:

— Тебе предстоит разобраться с еще одним беспорядком, потому и подкинули сначала “пряников”!

Тан Фань: “...”

Он молча налег на еду, а затем все же подал голос:

— Можно притворюсь, что не слышал этого?

— Нет.

Спустя какое-то время, поглощенный едой Тан Фань обнаружил, что даже мясо на пару с порошком из листьев лотоса не приносит ему радости. Отложив палочки в сторону, он смиренно спросил:

— Что на этот раз случилось?

— Не пугайся ты так. Дело не очень сложное.

— Говоришь, что не сложное, а лицо у самого вон какое коварное! – с трудом обретя дар речи, возразил Тан Фань. – Ладно я, ты сам-то в это веришь?!

— Я бы не стал врать, чтобы успокоить тебя, – невозмутимо отвечал Ван Чжи. – Но как иначе

заставить тебя со спокойной душой взяться за это поручение? Кроме того, теперь ты правый помощник в Министерстве Наказаний, а не простой цензор, что значительно упростит тебе задачу. Я замолвил за тебя словечко перед Его Величеством, и он тебя повысил.

В этом был весь командующий Ван. В безрассудности Тан Фань никогда не мог с ним сравниться.

— Хорошо-хорошо-хорошо, рассказывай, – попросил он, преодолевая головную боль.

Все, кто сдавали императорские экзамены, знали, что прежде, чем сдать последний его этап, предстояло пройти бесчисленное множество испытаний всех видов сложности. Среди них выделялось шесть наиболее важных этапов: окружной, префектурный, официальный, провинциальный, столичный и дворцовый.

Другими словами, те, кто проходили официальный этап, считались сдавшими окружной экзамен и могли величать себя учеными.

Те, кто сдавали провинциальный, получали право становиться чиновниками.

Тогда как сдавшие отборочный столичный этап величались “гунши” и допускались до последнего дворцового этапа.

Официальные экзамены проводились дважды в каждые три года. Те, кто сдали их, становились учеными и могли больше не кланяться окружным магистратам. Этот экзамен был начальной точкой для тех, кто хотел строить карьеру чиновника.

Все случилось во время официального этапа окружного экзамена в префектуре Цзиань провинции Цзянси в начале этого года.

Экзамен в префектуре Цзиань проходил как обычно согласно протоколу. Экзаменатором был Шэнь Кунсю, в то время занимавший пост инспектора образования провинции Цзянси. Назначен на эту должность он был непосредственно Министерством Обрядов и уже имел опыт проведения подобного рода экзаменов.

Однако в день, когда были опубликованы результаты официального этапа, разразился громкий скандал. Неизвестно откуда пошли слухи, что первые двадцать победителей экзамена заняли места нечестным путем.

Более того, слухи обрастали новыми подробностями. Говаривали, что в экзаменационных свитках тех участников были слова: “Большое достижение также”, – которые служили сигналом для продажных экзаменаторов: увидев эти три слова, они оценивали работу на высокий балл.

Шуму поднималось все больше и больше. Особенно возмущались участники, не нашедшие своих имен в списках сдавших. Сначала они били в судейский барабан, прося справедливости, а затем вынесли из храма памятную табличку Конфуция и устроили забастовку у ворот особняка инспектора образования, требуя, чтобы тот дал им объяснения.

Узнав об этом, инспектор Шэнь Кунью тотчас отправился проверять работы победителей экзамена и обнаружил, что слухи были не так уж далеки от правды. Из двадцати свитков как минимум шестнадцать содержали слова “большое достижение также”.

Это нельзя было назвать совпадением. Пораженный и разгневанный, Шэнь Кунью решил провести тщательное расследование.

Откуда пошли слухи, он понятия не имел. Самым главным было выяснить, правдивы ли они и жульничали ли те участники в действительности. Если слухи ложны, то найдется тысяча способов пресечь их.

Для начала он вызвал экзаменаторов на допрос. Те все отрицали. Затем Шэнь Кунью велел задержать и допросить двадцать победителей.

На самом деле, выяснить, жульничали они или нет, было легко: нужно было лишь велеть им ответить еще на парочку экзаменационных вопросов. Если они не справятся или качество будет не соответствовать выставленной оценке, значит, действительно что-то не так.

Провернув задуманное, Шэнь Кунью обнаружил, что некоторые из этих шестнадцати человек, ответили на новые вопросы действительно очень слабо: сочинения их оказались либо плохо структурированными, либо качество их резко снизилось, – с предыдущими работами они не шли ни в какое сравнение.

Шэнь Кунью не мог не понять, что дело нечисто. Дабы преподать урок остальным и успокоить гнев прочих участников, Шэнь Кунью немедленно направил к императорскому Двору прошение об обнулении результатов этих шестнадцати ученых, запрещении им впредь сдавать экзамены и проведении еще одного официального этапа окружного экзамена в префектуре Цзиань.

Однако в это время один из шестнадцати отстраненных от экзамена участников повесился, перед смертью написав на стене комнаты кровью: “Несправедливо оскорбленный, умираю, затаив обиду”.

После этого дела стали обстоять куда серьезнее.

Хоть Шэнь Кунью и направил к императорскому Двору прошение с просьбой лишить этих шестнадцать человек звания, они все еще считались учеными, сдавшими окружной экзамен, поскольку Двор не успел издать соответствующий указ. Смерть одного из них, покончившего с собой из-за инспектора образования, немедленно потрясла ученые круги.

Если тот был виновен, то после лишения звания ученого должен был залечь на дно, поджав хвост. Зачем было пытаться очистить свое имя, совершив самоубийство? А точно ли все так, как было заявлено?

Тотчас поползли слухи, что Шэнь Кунью затаил обиду на того участника и, найдя подходящий предлог, расправился с ним, доведя до самоубийства из-за пережитого унижения и гнева. Говаривали также, что Шэнь Кунью допустил ошибку при расследовании, и самоубийцу обвинили несправедливо, и тот вовсе не жульничал на экзамене.

Вскоре после произошедшего главный посланник Цзянси и посланник-прокурор направили ко Двору прошения о проведении строгого расследования этого дела, дабы установить, кто прав, кто виноват, и выяснить правду.

Так вышло, что миссия Тан Фаня в Сучжоу как раз подошла к концу, и император велел ему не возвращаться в столицу, а направиться напрямиком в Цзянси и разобраться с этим делом.

А поскольку Шэнь Куньсю был провинциальным инспектором образования третьего ранга, чистым и благородным, Тан Фань, будучи лишь цензором четвертого ранга, не смог бы с ним совладать. Потому, дабы облегчить ему задачу, император щедрым взмахом кисти даровал Тан Фаню вторую должность правого помощника министра наказаний.

Узнав все тонкости дела, Тан Фань испытал смешанные чувства.

На языке вертелось лишь одно: “Народная мудрость не лжет: бесплатный сыр бывает только в мышеловке”.

Послесловие автора:

Хаха С чего вдруг такое счастье, как повышение? С того, что господин Тан должен разгрести беспорядок!

[Ван Чжи злорадно расхохотался: “Тебе предстоит разобраться с еще одним беспорядком, потому и подкинули сначала “пряников”!”

Тан Фань: “...”]

Только представьте выражения лиц этих двоих, автор смеется до упаду → _ →

Мини-театр:

Тан Фань: Ах, в последнее время что ни поем, вкуса не чувствую.

Ван Чжи: Да? И как давно?

Тан Фань: Нет, блин! Представь: ты только что разобрался с одной проблемой, и тебе тотчас подбрасывают другую, - ты был бы счастлив?

Ван Чжи: Конечно. Пока я могу продолжать сражаться, сражаться и еще раз сражаться, я буду счастлив. Путь великого человека - поле боя, а смысл жизни - в подвигах!

Тан Фань: ...С помешанным на войне просто невозможно разговаривать.

Примечания переводчика:

Чет какие-то слабоватые объяснения. Фракция Ваней оказалась слишком слабой и глупой, раз так легко упустила сразу двоих своих важных членов: и нанкинского министра, и главу Восточной Ограды. Слишком просто. Такое ощущение, что на читателей целую кучу роялей из

кустов выкинули.

Это последняя глава 9 тома “Дело Сучжоу”. Следующий том будет называться “Дело об императорском экзамене”.

<http://tl.rulate.ru/book/50212/2910999>